

Мила Менка

Там, где нет любви

Мила Менка
Там, где нет любви

«Автор»

2026

Менка М.

Там, где нет любви / М. Менка — «Автор», 2026

В поклоннике своей дочери Вероника Маслова узнает свою первую любовь — Владимира Чернова. С тех пор, как они расстались, прошли годы, но он не состарился, всё так же красив и так же опасен. Женщина пытается спасти единственную дочь, но девушка никого не хочет слушать — она влюблена

© Менка М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Первый выход в свет	5
Кто вы, господин Шварц?	10
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Мила Менка

Там, где нет любви

Первый выход в свет

Оглядев себя в зеркале, Леночка улыбнулась: хороша! Ей как нельзя лучше шло новое платье, подаренное родителями ко дню ангела. Бирюзовое, из легкого муслина, с многослойной, но лёгкой юбкой, платье отлично сочеталось с серьгами, выпрошенными у татап: розовато-сиреневые аметисты перекликались с вышитыми на юбке нежными ирисами. Живые копии этих цветов прятались в волосах, уложенных в высокую причёску.

— Чудесно! Чудесно! — девушка подпрыгивала и хлопала в ладоши, забыв, что в шестнадцать лет это уже, должно быть, неприлично.

Ее отец, генерал Петр Акимович Красавин залюбовался дочерью: красота Елены была для него не внове, но лишь сегодня он отметил, что из прелестной девочки она превратилась в восхитительную невесту. Генерал гордился тем, что именно его дочери предоставлялась честь открыть благотворительный бал, на котором, по слухам, обещались быть и Их Величества.

Леночка должна будет разрезать серебряными ножницами ленточку на входе в зал, где уже три дня идут приготовления к празднеству.

Понимая, какая честь выпала ей, девушка волновалась. И хотя изо всех сил пыталась скрыть своё беспокойство — разлившийся по щекам румянец и речь, чуть более громкая и быстрая, чем следовало бы, выдавали её.

Вероника Платоновна дала дочери последние наставления и поцеловав на прощанье, усадила в карету, где уже сидел в парадном мундире генерал. Лошади бодро застучали копытами по серым проплешинам на заснеженной брусчатке. Маменька перекрестила карету и смотрела ей вслед, пока та не скрылась из виду. Постояв ещё немного, Вероника Платоновна пошла в дом и села рукодельничать. Она всегда старалась занять руки, когда на душе было беспокойно, вот и на сей раз — открыла большой сундук светлого дерева и достала незаконченную вышивку, изображавшую полуобнаженную Даная.

Женщина поправила в пальцах ткань, вдела нитку в иголку, и пальцы её заскользили по вышивке, завершая линию округлого бедра античной красавицы. Попутно вспомнилось то далекое время, когда она сама кружилась перед зеркалом в новом платье, перед своим первым и, увы! — последним балом. Именно там, почти двадцать лет назад, Вероника была представлена одному молодому человеку. Иголка вошла под кожу, и, вздрогнув, женщина отдернула руку от вышивки. На левой груди Данаи осталось маленькое, но яркое пятнышко крови.

Вероника Маслова на том далеком балу была в центре внимания, несмотря на то, что в тот день несколько знатных семейств впервые представляли обществу своих дочерей-невест.

Каждый из поклонников Вероники старался обратить на себя внимание, но она никому не отдавала предпочтения. К вечеру её ноги гудели от танцев, мазурка сменялась полькой, полька — входившим тогда в моду немецким вальсом в три "па".

Девушка много смеялась, глаза её, жадные до всего нового, в который раз пробежали по пёстрой, изысканной публике. Воздух был насыщен испарениями разгоряченных танцем тел, пудры и духов. Лакеи, сбиваясь с ног, сновали между гостями, предлагая вина и крошоны, разлитые в высокие бокалы, сверкавшие на серебряных подносах.

Впервые в жизни Вероника попробовала шампанское: весёлые, коварные пузырьки тотчас ударили ей в голову — и она, забыв о приличиях, смеялась слишком громко и задорно.

Один из гостей, видный молодой человек, то и дело кидал на неё быстрые взгляды. Она заметила это и также стала бросать в его сторону взгляды слишком часто — настолько, что это

стало заметно окружающим. Заинтересовавший Веронику господин сам был окружён женщинами, точно улей пчёлами.

Один из новых поклонников Вероники, чиновник по фамилии Величко, едко заметил:

— Положительно ему везёт: господин Чернов сегодня пользуется таким повышенным спросом у дам! Интересно, куда смотрит княгиня Вельяминова?

— Княгиня Вельяминова? Кто это? — ревниво переспросила Ника, ставя полупустой бокал на услужливо подставленный лакеем поднос.

Шампанское, недопитое юной прелестницей, тотчас перехватил высокий франт, повеса Мадиров, которого в полку прозвали Задириным, считая, что эта фамилия наиболее чётко отражает его вспыльчивый, кавказский характер.

— Княгиня Вельяминова — глава попечительского совета. Весьма недурна собой, хотя привычки у неё... — он вовремя опомнился и пробормотал: — Весьма необычные для женщины, я хотел сказать.

— А господин Чернов? Кто он? — спросила Ника более осмысленно.

— А я почём знаю?! — обиделся Мадиров. — Вижу, что наше общество вы бы охотно предпочли этому...

Он нарочно повысил голос:

— ...этому дамскому угоднику! Чем он занимается? Делает дамам шпильки? Вот уж, по видимому, достойное занятие для настоящего мужчины!

Между тем от молодого человека не ускользнула эта маленькая сценка. Он понял, что разговор касается его, и, извинившись перед дамами, улыбки на лицах которых тотчас увяли, направился прямо к Веронике. Заметив это, её поклонники сгрудились возле неё плотным кольцом.

Но Чернов был весьма дерзок. Он сумел прорвать оборону, задев при этом некоторых весьма уважаемых гостей. Не извинившись перед ними, словно не замечая никого вокруг, он взял руку девушки, которую она ему протянула, и поднёс к губам, не сводя с неё пристального взгляда.

После, точно опомнившись, он коснулся подбородком идеально белой манишки и произнёс:

— Владимир Чернов к вашим услугам!

Это был стройный молодой человек среднего роста, с хорошей осанкой. Фрак сидел на нём идеально, а кипенно-белая манишка выгодно подчеркивала правильные черты лица, и отражала свойственную северянам бледность кожи. Тёмные длинные волосы, убранные сзади в небольшой хвост и скреплённые тёмной ленточкой, делали своего хозяина похожим на героя старинного романа, что, безусловно, очень нравилось дамам. Взгляд серых глаз был слишком смел, как будто Владимир бросал вызов всем окружающим.

Вокруг началось что-то невообразимое.

— Какая наглость! Да как он смеет?! Да что он себе вообразил?! Надобно его проучить! Вытолкать его, господа, — несло со всех сторон.

Но поверх всего этого галдежа веско и тяжело упали, точно первые капли предгрозового дождя, слова Мадирова:

— Вы не были представлены даме и кинулись целовать ей ручку! Я нахожу ваше поведение недозволительным! Более того...

— Я представился самолично. — усмехнулся одними губами Чернов. — Только что. Вы не слышали? — и он вновь повернулся к Веронике.

Он улыбнулся ей обнажив зубы идеальной формы, с чуть увеличенными клыками, которые ничуть не портили его, а напротив, придавали его улыбке особый шарм.

Кто-то из присутствующих подавил смешок. Вокруг прибавилось народа — всем было интересно, чем же закончится перепалка.

— Я этого так не оставлю! Господа, кто окажет мне любезность быть моим секундантом? — взвился Мадиров, гневно сверкая покрасневшими от гнева глазами.

Он, словно петух, увидевший в своем курятнике соперника, почувствовал жажду крови. Если бы не этикет, он бы, не раздумывая, проучил бы этого заезжего франта. Чернов раздражал Мадирова не столько манерой изысканно одеваться и даже не дерзостью своего поступка, сколько своим несомненным успехом у противоположного пола. Все, от полуглухих старух до молоденьких девочек, были в него влюблены.

Точно очнувшись от сна, Вероника захлопала глазами, и, коснувшись рукой, которую только что поцеловал Владимир, груди Мадирова, кротко попросила:

— Умоляю, Рустам Петрович, не надо ссориться.

Обернувшись ко всем присутствующим, Вероника подарила им такую проникновенную, ангельскую улыбку, что все негодующие возгласы разом стихли.

— Представьте меня этому господину, — Вероника обратилась к Величко.

Тот, пожав плечами, представил:

— Вероника...

Он запнулся, видимо, вспоминая отчество, но так и не вспомнил:

— ...Вероника Маслова!

Она кивнула, опустив ресницы.

Приличия были соблюдены. Поклонники, видя, что Вероника никого не замечает вокруг, кроме нового знакомого, один за другим разбрелись. Последним, злой и ворчливый, залпом осушив несколько бокалов вина, ушёл Мадиров.

Владимир и Вероника остались одни, несмотря на то, что их окружало море людей. Одна половина, мужская, сожалела о ней, женская — о нём. Завистливые взгляды встречались и перекрещивались, но разбивались о стену, которая незримо оградила молодых людей от целого света.

Ах, как давно это было!

Вероника Платоновна встала, отложила испорченную вышивку и подошла к трюмо, где хранилась памятная шкатулка. В редкий день она не доставала её. Тут была и крохотная серебряная ложечка, подаренная крестной «на зубок», и поздравление на польском, присланное её батюшкой из под Ковеля по случаю её дня рождения, и жемчужина с маменькиного платья, которую она, найдя в детстве, до сих пор хранила пуце глаз.

Вытряхнув все эти милые сердцу вещи на стол, женщина открыла второе дно шкатулки и достала из тайника завиток тёмных волос. Здесь же лежали две короткие записочки, которые Чернов успел прислать ей за всю недолгую историю их любви. Когда-то здесь хранилось и его письмо, полное горечи и отчаяния, но не содержащее и намека на упрёк. Зола от этого письма хранилась здесь же, в серебряной баночке из-под пудры. В этой коллекции не хватало одного экспоната, а именно — аметистовых сережек — единственного подарка, сделанного ей Владимиром в тот самый день, когда она ответила «да» на его предложение руки и сердца.

Сжав локон в ладони, она поднесла его к лицу и, закрыв глаза, увидела Владимира. Он несколько не изменился, был всё так же молод и красив. А она... Былую красоту ничто не вернет, даже отблески волшебных аметистов. Сегодня она отдала их дочери — та очень просила: эти камни так гармонируют с её платьем!

Надышавшись своими сокровищами, Вероника Платоновна положила их на место, накрыла потайным дном и уложила сверху украшения. Пройдя в гостиную, где стоял рояль, она, приподняв юбки, села за него.

Комнату наполнили робкие звуки, сначала разрозненные, но потом слившиеся в невероятно красивый танец, который танцевали когда-то они с Владимиром, полные надежд и мечтаний, которым так и не дано было осуществиться.

— Маменька, вы уже легли? — услышала Вероника Платоновна сквозь сон. У её кровати, всё ещё в бальном платье, стояла Леночка.

— Простите, я разбудила вас!

— Ну что ты, доченька! Я ждала тебя, да и уснула невзначай. Давно вы вернулись? Что Пётр Акимович? С вами приехал или остался играть? — женщина встала и, надев на ночную рубашку халат, подошла к дочери, чтобы обнять её.

— Батюшка не решился вас будить, и прошёл к себе. — радостно сообщила Леночка.

От неё пахло чем-то давно забытым. Это был запах молодости, духов и шампанского. И ещё чего-то, что заставило матушку насторожиться.

— Лена, ты позволила себе вина? — строго спросила Вероника Платоновна и взяла с комода тройной подсвечник, чтобы получше рассмотреть дочь.

— Самую малость, маменька. Не сердитесь, я пьяна не от вина. Мне кажется, я влюбилась!

Вероника Платоновна горько улыбнулась: она поняла, что её насторожил запах первой любви.

— Кто же он? — голос матушки был ровным и спокойным.

— Он такой... такой... Образованный. Умный. Красавец. Одним словом, лучше всех!

На щеках дочери появились ямочки, глаза сверкали, отражая пламя свечей не хуже аметистов.

— Его зовут...

Мать учуяла неладное до того, как дочь произнесла имя:

— ...Владимир.

Ноги Вероники Платоновны подкосились, она непроизвольно схватилась за спинку кровати.

— Маменька, Вам нехорошо? Позвать Наташу? — всполошилась Елена.

— Нет, нет... Всё в порядке, продолжай. В какой он должности? В каких летах? — Вероника Платоновна села, на всякий случай, на кровать.

— Ему лет около двадцати пяти, я думаю. Во всяком случае, не больше, — сказала девушка, и от сердца матери отлегло: значит, не он...

— А как фамилия твоего кавалера? — на всякий случай спросила она.

— Шварц. Он наполовину немец, ах, мама... Ах! Я так счастлива! — и сцепив руки в замок и вытянув их перед собой, Леночка закружилась по комнате — в её душе ещё не смолкла музыка.

— А чем он занимается, этот Шварц? — сердце матери снова оказалось в тисках сомнения.

— Его отец вроде бы владеет прииском, а сам Владимир ювелир. Говорят, хороший мастер, в его украшениях ходят многие известные особы. Он и серьги мои хвалил... Вернее сказать, ваши.

Вероника Платоновна побелела: два совпадения — это уж слишком! Её Владимир тоже был ювелиром.

— А что папенька? Что он говорит? — она постаралась, чтобы дочь не заметила её состояния.

Дочь сразу скисла. Она прекратила свои танцевальные па и стояла перед маменькой, повесив голову.

— Папеньке Владимир не понравился. Ему решительно никто не нравится! — девушка горестно вздохнула. — Собственно об этом я и хотела поговорить с вами, маменька. Мне ведь не кем кроме вас поделиться. Вы же не осудите вашу бедную дочь?

— Елена! — маменька с укором посмотрела на неё. — Зачем ты спрашиваешь? Ты же знаешь, что я на всё готова, лишь бы ты была счастлива!

—Ах, маменька! — она бросилась в объятия матери.

Вероника Платоновна не лгала — она с чувством обняла дочь, хотя душа её была в плену тягостных воспоминаний и смутных предчувствий скорой беды.

Кто вы, господин Шварц?

На следующий день она решила навести справки через своего давнего знакомого, занимавшего высокий пост в полиции, о человеке по имени Владимир Шварц. С этой целью она отправила служанку в департамент полиции с письмом, наказав дожидаться ответа, сколько потребуется. Но Наташа вернулась ни с чем.

— Их сиятельство сказали, что сами будут к обеду! — прокричала она с порога.

Вероника Платоновна поморщилась, так как хотела всё сделать «in secret», чтобы не тревожить никого понапрасну.

— Кто это прибудет к нам к обеду? — удивлённо спросил Пётр Акимович, выглянув из-за утренней газеты, которую обычно имел обыкновение читать перед завтраком.

— Да, Рязанцев. Встретила его на улице второго дня. Слово за слово... ну и... пригласила на обед, — соврала Вероника Платоновна, показывая Наташе кулак. — ты же знаешь, Капитон в восторге от нашего повара.

Служанка фыркнула и стала собирать стол к завтраку.

Хорошо, что Лена этого не слышала: она ещё не вставала. Решив этим воспользоваться, Вероника Платоновна стала расспрашивать мужа о вчерашнем бале, но Пётр Акимович всё больше рассказывал об официальной части торжества. Романтические грёзы дочери он считал недостойными внимания.

— Вообразите себе, Вероника Платонна, сам князь Голицын был сражён выходом нашей красавицы! Сказал, что наша Елена – подлинное сокровище, — самодовольно сказал Красавин, намазывая себе масло на хлеб. — Душечка, налейте чаю, пожалуйста. Да-да — и сахару. Спасибо, душечка.

Он хотел было хлопнуть Наташу по крепкому задку, но вовремя опомнившись, опустил занесённую было руку.

— А с кем она танцевала свою первую кадрили? — делая вид, что не заметила намерения мужа, пыталась направить разговор в нужное ей русло Вероника Платоновна.

— Ну, матушка и задачки Вы мне задаёте! Наша дочь пользовалась бешеным успехом у кавалеров. Это была её победа! Триумф!

Глаза Петра Акимовича вылезли из орбит, указательный палец взлетел вверх.

— Не то, что те скучающие девицы — дочери Рыкова Ильи Андреича, — уже спокойнее добавил он.

— Вы хоть заметили — может, она отдавала особое предпочтение кому-нибудь?

— А как же... Был там один. Так и вился вокруг Леночки. Чернявый такой. В карету нас усадил и к ручке Леночкиной без конца прикладывался. Не то художник, не то чего похуже...

— Он ювелир! Папенька, я же Вам говорила! — в дверях стояла Елена.

Петр Акимович немного смутился, но тут же нашёлся:

— Одним словом, ремесленник!

Он шумно стал пить из своей чашки, но, почувствовав укоризненный взгляд супруги, затих.

Отпросившись у родителей, Лена ушла навестить приболевшую подругу, жившую неподалеку. Мать хотела послать Наташу приглядеть за ней, но передумала. Дав указания по поводу обеда и надев капор мышиного цвета, а также неброский плащ, она отправилась на прогулку — а именно — по известному ей адресу, где жила приболевшая подруга дочери.

К своему стыду, она увидела Леночку, входящую в парадное. Женщина уже хотела повернуть назад, как вдруг заметила знакомую до боли фигуру. Молодой человек выпрыгнул из пролетки и, дав денег извозчику, вбежал вслед за Леночкой в парадное.

«Мой Бог! Это он! Но возможно ли? Скорее всего, сын. И судя по фамилии отца — внебрачный».

Вероника Платоновна сломала лорнет, который от волнения крутила в руках. Воображение рисовало ей самые нежелательные картины развития событий.

«Вероятно, он настиг её на лестнице. Они сговорились...» — сердце бешено колотилось.

Женщина мучилась. Наконец, убедив саму себя, что действует только в интересах дочери, она решительно направилась к дому купца Подлещева, где только что скрылась Лена, а затем и её ухажер, который напомнил ей первую и единственную любовь.

В том доме было три этажа, и войдя внутрь, женщина оказалась в холле перед широкой лестницей. Она успела услышать, как на втором этаже, где жила Леночкина подруга, хлопнула дверь. Юноши нигде не было. Неужели он вхож туда?

Снедаемая подозрениями, женщина пошла в сквер напротив и села на одну из скамеечек, точно шпик. Она знала о такой специальности от того же полицмейстера Капитон Капитоныча, который не упускал случая подкинуть за покером историю-другую из своей полицейской жизни.

Ждала она долго. Наконец, послышались шаги, и Вероника Платоновна едва успела шагнуть за колонну. Дочь вышла и направилась в сторону отчего дома.

Но где же её ухажёр? Вероника Платоновна терпеливо сидела ещё четверть часа, но никто так не появился. Тогда она побрела домой, придумывая по дороге разнообразные способы вызвать дочь на откровенность.

К обеду пришел Рязанцев. Вопреки расхожему мнению, что высшие чины департамента полиции непременно красномордые, с торчащими в разные стороны усами, Рязанцев был худ, жёлт и лыс. Было сложно поручиться, что взятки он не брал, но и сказать, что он относится к разряду продажных чиновников, было никоим образом нельзя. Капитон Капитонович имел награды за заслуги перед Отечеством и множественные ссадины и шрамы, нанесённые им в то время, когда он только карабкался вверх по карьерной лестнице.

Тайный советник поднес к губам ручку Вероники Платоновны, затем Леночки, пожал руку с Петру Акимовичу и, потирая замерзшие руки, уселся к камину.

— Ну-с? — весело прищурясь, спросил он. — Какие новости у благородного семейства?

— Нет уж, Капитон Капитонович, прошу к столу. К чему соловья баснями-то кормить! Прошу-прошу, — захлопотала Вероника Платоновна.

В центре стола в большой супнице томилась стерляжья уха. В семью Красавиных ежедневно, за исключением двух дней в месяц, приходил повар. Голландец по происхождению, он тем не менее, великолепно умел приготовить всё то, что близко русскому человеку, и особенно удавались ему первые блюда: грибные супы, рассольники, щи из свежей и кислой капусты, борщи, разнообразные окрошки. Но стерляжья уха на тройном бульоне по-царски — готовилась им по просьбе хозяйки в особых случаях.

Все уселись за стол. К ухе были поданы пирожки с рисом и яйцом, с вязигой и рыбой. Папенька предложил Рязанцеву по рюмашке «для аппетита». Наташа не мешкая принесла запотевший графинчик и две рюмки.

Пётр Акимович разлил водку.

— На здоровье! — он приподнял свою рюмку, кивнул Рязанцеву и опрокинул в себя её содержимое. Одобрительно крякнув и занюхав пирожком, он прослезился.

— За хозяев! — поддержал Капитон Капитонович — уважая традиции, тоже выпил до дна и принялся за уху.

— По второй. Немедленно по второй! — вновь наполняя рюмки, скомандовал генерал.

Леночка почти не ела — было видно, что мысли её где-то далеко. Вероника Платоновна тоже не могла похвастаться аппетитом и ела только рыбный бульон, оставляя всё прочее в тарелке.

Повар, глядя на это безобразие из-за спины Наташи, нахмурился было, но заметив, с каким аппетитом едят мужчины, успокоился. Особенно порадовал голландца Рязанцев: расправившись с супом, он отдал должное кулебяке, потом жаркому из телятины, не обошёл вниманием петушинные гребешки в сметанном соусе, а также разнообразные закуски — маринованного угря и распаренную лососину в укропной заливке. От десерта, правда, отказался.

— Молодчина ваш Магнус. Даром что голландец! — одобрительно воскликнул Капитон Капитонович, промокнув салфеткой губы. — Право, Вероника Платоновна, уступили бы мне его. Вот все говорят, что повар должен быть непременно француз, а мой Жак премного проигрывает вашему голландцу!

— А вы, Капитон Капитонович, просто бывайте у нас почаще. И переманивать повара будет ни к чему. — откладывая приборы, и улыбаясь старому приятелю, сказала хозяйка.

Лена извинившись встала и отправилась к себе. Пётр Акимович предложил гостю партию в шахматы, но тот отказался, терпеливо ожидая, когда хозяйка заговорит о деле. Но Вероника Платоновна не хотела говорить при муже, боясь лишних расспросов с его стороны.

Допив малиновый морс, Рязанцев встал из-за стола и попросил хозяйку показать ему свою коллекцию старинных гравюр, о которой рассказывала ему его супруга.

Красавин, сославшись на срочное дело, откланялся, стол опустел. Зазвенела тарелками Наташа. Хозяйка повела Рязанцева к себе.

Там, расположив гостя на оттоманке и вручив ему альбом с гравюрами, Вероника Платоновна села напротив и, нервно обмахиваясь веером, спросила:

— Капитон Капитонович, голубчик, удалось ли Вам узнать то, что я просила?

Рязанцев, листая альбом, ответил не сразу.

— Видите ли, уважаемая Вероника Платоновна, никакого Владимира Шварца в нашей картотеке нет. Вернее, есть один, но он не подходит по возрасту. Ему семьдесят восьмой год, всю жизнь служил при казначействе. Есть еще с десяток Шварцев — но тут мы имеем дело с несопадением имен: Лев, Генрих, Конрад...

Рязанцев вздохнул, вытер белоснежным носовым платком вспотевший череп.

— Но этого не может быть. Присутствующие на том балу свидетели... этот, как его, гусар Мандиров? Говорят, трудно сыскать в городе человека, с которым он не повздорил!

— Получается, дражайшая моя Вероника Платоновна, что интересующий нас молодой человек либо выдает себя за кого-то другого, либо приехал так недавно, что не успел попасть в поле нашего зрения. А если он, скажем, уедет или имеет документы на другое имя, то вообще получается, что юридически его нет.

— Но он был!

— Могу я полюбопытствовать, уважаемая Вероника Платоновна, в чём заключается Ваш интерес к этому индивиду?

Рязанцев поскрёб ногтем одну из гравюр и Вероника Платоновна поморщилась.

— Мой интерес частного свойства. — подбирая слова, начала она. — Моя девочка познакомилась с ним и боюсь, этому проходимцу удалось смутить её невинный разум.

— Отчего же сразу проходимцу? — вскинул брови Рязанцев. — В нашем городе четверть миллиона человек — шутка ли! То, что его нет в наших списках, говорит о том...

Он осёкся, посмотрев на лицо хозяйки.

— Впрочем, если этот Шварц причиняет Вам беспокойство... Извольте, я готов пощупать его. Ради вас.

— Разумеется, всё это между нами? Мне бы не хотелось беспокоить Петра Акимовича, и тем более Леночку! Она такая нежная натура! — сразу засияла Вероника Платоновна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.